

предикативного употребления слова» (В.В. Виноградов); см., например: «...во всяком почти слове, так или иначе, лежит предложение в безразличии, в зародыше; из всякого почти слова как из зерна, может оно более или менее удобно возникнуть и развиться» [Аксаков 1875: 616].

К.С. Аксакову не удалось закончить работу над «Опытом русской грамматики», в котором, по его замыслу, основания для анализа морфологических и синтаксических явлений были бы взяты не из общей теории, а из «духа и смысла» форм русского языка. Однако сделанное ученым во многом открыло новые подходы к изучению русской грамматики, позволило обратиться к ней «со взглядом ясным, без иностранных очков, с вопросом искренним, без приготовленного заранее ответа» [Аксаков 2011 б: 183], заложило основы философии

языка в России и дало возможность четко определить предмет морфологии и разграничить грамматические и неграмматические единицы языка, морфологические формы и словообразовательные средства.

ЛИТЕРАТУРА

Аксаков К.С. О грамматике вообще. Прилагательное. Предлог. — М., 2011 (а).

Аксаков К.С. Опыт русской грамматики. Имя. — М., 2011 (б).

Аксаков К.С. Опыт русской грамматики. Сравнительный взгляд. Индоевропейские и славянские языки. — М., 2011 (в).

Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. — М., 1875. — Т. II. — Ч. 1.

Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова). — М., 1958.

Русская грамматика: в 2 т. — М.: 1980.

К 100-ЛЕТИЮ РЕФОРМЫ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

Т.М. ГРИГОРЬЕВА
Красноярск

Реформа русской орфографии: от «книжной искусственности к живой простоте»

В статье изложены материалы, отражающие основные факты реформирования русского правописания: реформа русской азбуки, работа орфографических комиссий, сложный путь реформы 1917 г. от циркуляров Министерства народного просвещения к декретам советского правительства, нарушившим подлинные замыслы реформаторов и внедрившим в общественное сознание дезинформацию.

Ключевые слова: *русское правописание; реформа; циркуляры Министерства народного просвещения; декреты советского правительства.*

Русское письмо знало две реформы: Петровская реформа русской азбуки, когда волею Петра и его сподвижников были исключены буквы, которые утратились в звуковом проявлении языка, и реформа 1917 г., также освободившая русское письмо от графического балласта и архаичных написаний некоторых грамматических форм.

В течение двух лет (1708–1710) Петр «находит досуг и время» вносить изменения в проект, и в начале 1710 г. был

создан образец азбуки, одобренный государем. Оттиск этой азбуки с заглавием «Изображение древних и новых писмен славянских, печатных и рукописных» (на обороте ее переплета записано «Дана лета Господня 1710 Генваря в 29 день») был прислан 10 февраля в типографию с собственноручной надписью Петра: «сими литеры печатать исторические и мануфактурные книги, а которые почернены (зачеркнуты. — Т. Г.), тех в вышеописанных книгах не употреблять». Здесь же, чуть ниже государственного указа, значится запись, сделанная Московской Синодальной типографией: «В тетради сей правление и подписание собственные руки Его Царского Пресвятого Величества прислано через

Григорьева Татьяна Михайловна, доктор филол. наук, профессор Сибирского федерального университета.

E-mail: annysten@yandex.ru

секретаря Алексея Васильевича Макарова» [Азбука гражданская 1710: 19].

Петровская реформа, проведенная абсолютно беспрепятственно, получила самые высокие оценки своего времени: «Прекрасна была, — писал В.К. Тредиаковский, — сия самая первая печать: круглa, мерна, чистa — словом, совершенно уподоблена такой, какова во французских и голландских типографиях употребляется...» [Тредиаковский 1748: 3]. А.П. Сумароков, обращаясь к типографским наборщикам, выражал требование «сил (т.е. знаков ударения. — Т.Г.) не ставить нигде», потому что от них «пестрота, обезображивающая нашу прекрасную нынешнюю печать» [Сумароков (1759) 1787: 307–308].

Реформа 1917 г. прошла сложный путь воплощения и в разные времена имела разные оценки.

В советскую эпоху она оценивалась как исключительная заслуга советской власти, одно из важных слагаемых программы революционного обновления, и это имело статус официально признанной оценки. Ср.:

«Сравнительная простота нашей орфографии во многом обусловлена историческими декретами советского правительства» [Гвоздев 1950: 80].

«Лишь в результате победы Октябрьской революции давно назревавшая реформа русского правописания была проведена в жизнь» [Истрин 1988: 164].

«Даже в годы войны и разрухи советское правительство не нашло возможным откладывать разрешение назревших орфографических вопросов — и народ получил, наконец, упрощенное правописание» [Иванова 1976: 263].

Однако, многие непосредственные свидетели революционных перемен, не принявшие Октябрь 1917 г., видели в упрощении орфографии непростительную вину советской власти.

З.И. Гиппиус в дневниковой записи от 01.09.18 г. писала: «К тому же они (большевики. — Т.Г.) ввели слепую, искажающую дух языка орфографию» [Гиппиус 1991: 234].

И.А. Бунин воспринял революцию и орфографическую реформу в причинно-следственной последовательности и в дневниковой записи от 22.04.19 г. писал: «По приказу самого Архангела Михаила никогда не приму большевистского правописания. Уже хотя бы по одному тому, что никогда человеческая рука не писала ничего

подобного тому, что пишется по этому правописанию» [Бунин 1990: 117]. Как известно, до конца дней своих он пользовался старой орфографией.

Обе оценки (заслуга и вина советского правительства) обусловлены неосведомленностью их авторов, однако во втором случае это вызывает недоумение, поскольку подлинные факты подготовки реформы широко освещались в печати с начала XX в. вплоть до реформы; в первом же она закономерна, так как подлинные факты истории хранились в спецхранах; к тому же в декрете от 10 октября 1918 г. новые правила правописания заявлены от имени советского правительства: «разработанные Народным комиссариатом просвещения». Это стало источником дезинформации о реформе для послереволюционного поколения и наложило жесткие рамки возможных рассуждений на многие годы.

Представление о реформе как большевистской акции имело некоторые последствия.

Во-первых, дореформенная орфография «в изгнании» сразу же стала ностальгическим символом дооктябрьской России, ее утраченным культурным наследием. Она сохранялась в широких кругах российской эмиграции вплоть до военного времени, служила продолжением свергнутых культурно-исторических традиций и знаком протеста против большевистской России.

Во-вторых, в эпоху перестройки, в эпоху переоценки ценностей, когда опыт Октября приобрел отрицательный смысл, а все деяния советского правительства получили негативные оценки, реформа из заслуги решительно превратилась в вину и породила стремление возвратиться к старой орфографии.

А. Вознесенский пишет о репрессированных твердых знаках и ятях, которые «были двойниками убитых в подвалах» (Огонек. — 1987. — № 12). В публикации статьи архиепископа Аверкия сообщается, что «провели эту реформу только большевики» и она не имела ничего общего «с данными серьезной филологической науки, а шла лишь навстречу лениности и невежеству» (Память. — 1989. — № 1). В другой газете можно было прочесть, что Октябрьскую революцию следует признать «страшной народной драмой и возвратит народу все, чего его лишили большевики, начиная от подлинной символики... и кончая канувшей в Лету национальной,

уходящей в глубь веков письменностью, отобранной после революции большевиками» (Красноярский рабочий. — 1992. — 23 февр.). Публикуются материалы в защиту дореформенной орфографии. Репринтным и факсимильным способом издаются в дореформенной орфографии прежде запретные книги, периодическая печать в отдельных статьях, заголовках, в названиях рубрик и на целых страницах отдает предпочтение старой орфографии.

Такой диапазон оценок реформы ставит перед необходимостью восстановить подлинную картину событий, расставить точки над *i*.

Дискуссии о необходимости упрощения русского правописания начались практически сразу же после Петровской реформы русской азбуки. Особенно активизировались они со второй половины XIX в. Многочисленные выступления частных лиц по упрощению привели к широкому общественному движению за реформу. Были созданы орфографические комиссии, объединявшие известных ученых: Орфографическая комиссия петербургских педагогов 1862 г. под руководством В.Я. Стоюнина; Орфографическая комиссия 1901 г. под руководством проф. Р.Ф. Брандта; Орфографическая комиссия 1904 г. при Императорской академии наук и Орфографическая подкомиссия под рук. акад. Ф.Ф. Фортунатова с ее «Постановлениями» 1912 г.

При этом событием, непосредственно предшествующим реформе и положившим ее начало, стало совещание в Академии наук 11 мая 1917 г. под председательством академика А.А. Шахматова, признавшее реформу целесообразной и своевременной и утвердившее решение о ее немедленном проведении. Здесь же были приняты «Постановления», включающие в себя 13 пунктов предстоящего упрощения, которые были составлены на основе постановлений Орфографической подкомиссии 1912 г., так что дело реформы по праву считается «великой общественной заслугой» академиков Ф.Ф. Фортунатова и А.А. Шахматова. Важно отметить, что каждый пункт упрощения был научно мотивирован и сопровождался комментарием: реформаторам важно было не только упростить, но провести реформу с полным пониманием со стороны общества.

Текст «Постановлений» был опубликован в Известиях Российской академии наук

и в других изданиях страны (см. на обложке журнала).

Постановление АН о реформе встретило поддержку Государственного комитета при Министерстве народного просвещения при Временном правительстве. 17 мая во все губернии России был разослан 1-й циркуляр МНП о введении «повсеместно» нового письма «безотлагательно, с начала будущего учебного года», а 22 июня — 2-й циркуляр с конкретными рекомендациями по введению нового правописания в школы, начиная с младшего отделения начальной школы, «избегая насилия над желаниями самих учащихся».

В новой орфографии стали издаваться отдельные периодические и непериодические издания. В результате почти четырехмесячной интенсивной подготовки, руководствуясь циркулярами Министерства народного просвещения и Постановлениями Академии наук, с сентября 1917 г. русская школа перешла к обучению по новому правописанию.

В числе первых, кто положительно откликнулся в своей редакционной статье на предлагаемые изменения русского правописания, был журнал «Родной язык в школе»: «Можно только горячо приветствовать решительный шаг нового министра в проведении этой демократической реформы, которой с нетерпением ждала русская школа и особенно семья педагогов-словесников» [О реформе правописания 1917: 18]. Уже его августовский номер за 1917 г. был издан в новой орфографии. В последующих его выпусках публиковались первые опыты преподавания по-новому правописанию.

Во многих городах России были изданы брошюры в помощь преподавателям и обучающимся новому письму. И только затем, почти полгода спустя, уже после октябрьских событий, были обнародованы два советских декрета, которые впоследствии стали единственными неопровержимыми фактами ее свершения: от 23.12.17 г. и от 10.10.18 г. Оба декрета были лишены комментариев, а второй заявлен от имени советского правительства. Последовавшее за ними Постановление Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) от 14.10.1918 г. «Об изъятии из обращения общих букв русского языка» предписывали в кратчайший срок перейти на новое правописание в печати, а за исполнение каких-либо графических работ по старой орфографии виновных подвергать штрафу до 10 000 рублей.

Этим были нарушены главные принципы в осуществлении упрощения: постепенность, терпимое отношение к тем, кто продолжает писать по-старому, добровольный и сознательный выбор новой орфографии и знакомство с исключенными реформой буквами и правилами. Вопреки этому новая орфография вводилась путем репрессивных мер сверху, и этим была прервана культурно-историческая традиция, культурное наследие было «вырублено топором». Сохранились воспоминания о том, что посланные в типографии матросы изымали из наборных касс исключенные реформой буквы **ѣ** (ять), **ѿ** (фита), **і** десятиричное и **ѣ** (ер), т.е. твердый знак, который исключался только на конце слова, но необразованные матросы выбрасывали и его. То, что за недостатком времени не удалось осуществить эволюционным путем, было сделано, по словам одного из свидетелей событий, «одним взмахом пера, стало свершившимся фактом благодаря декрету властей, с большой легкостью меняющих стили, переводящих повсеместно стрелки часов назад и вперед и оставивших пока в неприкосновенности времена года» [Евгеньев 1919: № 4, 4).

«Стоит только свыше разрешить упрощенное письмо, нисколько не преследуя старое, — сказал в 1904 г. на заседании Орфографической комиссии проф. Р.Ф. Брандт, один из инициаторов упрощения орфографии, — то оно очень скоро завоеует себе полное господство»; приведет русское письмо от «книжной искусственности к живой простоте» [Протокол 1905: 41].

И именно так, свободно, проходило воплощение новой орфографии в Сибири, где только в 1920 г. была окончательно установлена власть Советов. В течение почти трех лет школа и печать переходили на новое правописание, постепенно преодолевая инерцию сознания, силу привычки, сопротивление противников реформы и ориентируясь при этом не на декреты, а на Постановления Академии наук, дооктябрьские циркуляры и постановления земских органов управления. Педагогические журналы «Енисейский учитель» (Красноярск), «Школа и жизнь Сибири» (Томск), «Думы забайкальского учителя» (Чита) и др., которые издавались в новой орфографии, публиковали успешный опыт многих учителей и нужные в преподавании материалы (подробно о реформе в Сибири см.: [Григорьева 2004]).

Эти немногие уцелевшие во времени свидетельства о реформе за пределами Советской России, а также орфография в практике периодических изданий Красноярска, Иркутска, Читы и Томска свидетельствуют о том, что, пройдя неизбежный в каждый переходный период путь борьбы противоположных мнений и намерений, миновав период угроз возврата к старому правописанию, но не испытав карательной силы декретов, новое правописание к концу 1919 г. становилось доминирующим, подтверждая силу и значимость дооктябрьских документов в то время и выявляя несостоятельность оценок, которые время от времени упрочивают миф о реформе как антикультурном наследии большевизма в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

Азбука гражданская с нравоучениями. Правлена рукою Петра Великого [1710]. — СПб., 1877.

Бунин И.А. Окаянные дни: Воспоминания. Статьи. — М., 1990.

Гвоздев А.И. Основы русской орфографии. — М., 1950.

Гиппиус З.И. Современная запись 1914–1910. Дневник (Извлечения) // Д. Мережковский. Больная Россия. — Л., 1991.

Григорьева Т.М. Три века русской орфографии. — М., 2004.

Евгеньев А. Новая орфография на практике // Вестник литературы. — 1919. — № 4.

Иванова В.Ф. Современный русский язык: Графика и орфография. — М., 1976.

Истрин В.И. 1100 лет славянской азбуки. — М., 1988.

О реформе правописания // Родной язык в школе. — 1917. — № 1 (август).

Постановления совещания при Академии Наук под председательством академика А.А. Шахматова по вопросу об упрощении русского правописания, принятые 11 мая 1917 года // Известия Российской АН. — 1917. — Сер. 6. — № 15 (нояб.).

Протокол Первого заседания Комиссии по вопросу о русском правописании, состоявшегося 12 апреля 1904 г. — СПб., 1905 [Брандт].

Сумароков А.П. К типографским наборщикам [1759] // Полн. Собр. соч.: В 10 т. — М., 1787. — Т. 6.

Тредиаковский В.К. Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи. — СПб., 1748.